
«Речь тонкословия греческого» как исторический источник

DOI 10.31168/91674-483-5.18

Сочинение, озаглавленное в рукописях «Речь (или “Речи”) тонкословия греческого» (далее — РТГ), представляет собой последовательность из примерно 2500 русско-греческих соответствий, иногда отдельных слов, иногда синтагм или целых фраз. Оно дошло до нас в четырех списках: А — ГПБ, Софийское собр., № 1474, 1510-е гг., из Кирилло-Белозерского монастыря («Сборник Генадиев пустынников»); В — ГПБ, собрание Петербургской Археографической Комиссии, № 454, середины XVI в., названное в самой рукописи «Сборник Васьяновской»; С — ГПБ, Азбуковник из собрания Погодина, № 1655, XVII в.; D — ГПБ, Соловецкое собр., № 860, конец XVI в. Коль скоро списки А и В не зависят друг от друга, необходимо предположить, что их протограф относится к более раннему времени — возможно, середине XV в. Текст был издан трижды: Н.К. Никольским в 1896 г.¹, П.К. Симони в 1908 г.² и М.Р. Фасмером в 1922 г.³ Издание Фасмера, выпущенное им уже в эмиграции, в Лейпциге, явно было подготовлено значительно раньше, судя по его же обстоятельнейшей рецензии на издание Никольского, вышедшей в 1907 г.⁴

¹ *Никольский Н.К.* Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века [Памятники древней письменности, № 114]. СПб., 1896.

² *Симони П.К.* Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1908. Т. XIII. Вып. 1. С. 175–212.

³ *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Leipzig, 1922.

⁴ *Фасмер М.Р.* «Рѣчь тонкословія греческаго» — памятник среднегреческаго языка XIII в. // Византийский временник. 1907. Т. 14. С. 446–462.

Мы будем в дальнейшем пользоваться изданием Фасмера (ссылки на издание будут даваться в тексте), который реконструировал греческую часть текста из ее древнерусской транскрипции. Единственное подробное филологическое исследование нашего памятника было проведено Л.Е. Ковтун в 1963 г.⁵ Историки не исследовали памятник никогда.

Датировка РТГ вызвала споры: Н.К. Никольский относил его возникновение в XV в. Поначалу М. Фасмер был категорически не согласен с ним и даже писал: «Общие замечания, на основании которых Никольский относит текст к XV в., мне кажутся столь мало обоснованными, что я не считаю нужным при последующем изложении вступать с ним в полемику по этому поводу»⁶. В публикации 1907 г. ученый приводит многочисленные доказательства того, что РТГ относится к XIII в.: здесь и греческая и древнерусская фонетика, и появление тех или иных грамматических форм, и лексика⁷. Удивительным образом, в публикации 1922 г. Фасмер решительно поменял свою точку зрения и, никак этого не оговорив, даже не упомянув о своей предыдущей позиции, принял датировку Никольского (с. 137–138). Теперь общепризнано, что лингвистические особенности русской части памятника указывают на XIV–XV вв.⁸ Появление таких слов, как *Кордованци* (с. 56⁹), *Терликъ* (с. 55), *Черкасинъ* (с. 55), *Отлас* (с. 93), *Шафран* (с. 40) — подталкивают к более поздней дате. Впрочем, уже сам по себе разброс в датировке свидетельствует о том, что наш памятник имеет сложную природу, ибо в нем переплелись противоречивые языковые черты. Огромное число архаичных форм как церковнославянских, так и древнерусских, встречающихся в РТГ¹⁰, вроде бы должно подталкивать к более ранней датировке — но одна-единственная форма *говорят* (с. 46) в значении «разговаривают»,

⁵ Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963. С. 326–374. Ср.: Она же. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. С. 62–66.

⁶ Фасмер М.Р. Рѣчь тонкословія греческаго. С. 450.

⁷ Там же. С. 450–453.

⁸ Ковтун Л.С. Русская лексикография. С. 327–328.

⁹ Слово считают галицийским заимствованием из польского, однако в самой Польше лексема фиксируется не ранее XVI в. (*Bochnakowa A. Kurdyban et Kurdwanów à Cracovie // Contrabandista entre mundos fronterizos: hommage au professeur Hugues Didier / Dirigé par N. Balutet et al. Paris, 2010. P. 401–402*).

¹⁰ Часто автор приводит дублетные формы: *перст* и *палец* (с. 96), *детородные члены* и *муде* (с. 96–97).

относящаяся не ранее чем к XIV в.¹¹, доказывает, что все архаизмы текста суть сознательная стилизация под старину¹².

Эта архаизация русской половины «разговорника» пребывает в вопиющем противоречии с неслышанной лексической новизной его греческой половины: тамошний словарный состав тяготеет к обиходному уровню, насколько мы можем о нем судить по таким памятникам, как акты монастырей, Птохопродромика, Спанос, Пулологон, Порикологон, Опсарологон, позднейшие димотические версии Александрии, эпос о Дигенисе Акрите, пособие Иппиятрика и т.д. Более поздняя датировка памятника может быть теперь подтверждена на новом уровне наших знаний о византийской лексикографии: по меньшей мере семнадцать слов, встречающихся в РТГ, фиксируются базой данных *Thesaurus Linguae Graecae* впервые в XIV в., три в XV в., а три с еще более позднего времени. Около десятка лексем не зафиксировано в древних письменных памятниках, но живут в новогреческом языке или его диалектах. Еще около двадцати слов вообще являются «гапаксами», т.е. не фигурируют более нигде.

Если время создания памятника определяется лишь приблизительно, то место его создания выяснено с точностью. Фасмер, опираясь на фракийские и македонские диалектные черты, заключил, что информантами составителей РТГ выступали греки северного ареала¹³. Можно подтвердить эту локализацию фигурирующим в РТГ списком из 17 культурных растений: там нет ни оливок, ни апельсинов, ни любой другой из знаменитых культур, выращиваемых к югу от 40-й параллели.

Составителем, а вернее составителями, РТГ были русские люди. Русское, а не южнославянское (с. 126–127) происхождение памятника доказывается такими лексемами, как *Арбузь*; *Булатъ*; *Белка*; *Горностай*; *Жемчюг*; *Жесть* и пр.¹⁴ При этом, хотя авторы давно живут в грекоязычной среде, греческие соответствия (записываемые кириллическими буквами) не всегда безупречны, во фразеологизмах встречается масса русских калек (с. 124–125), случаются и попросту ошибочные переводы с русского, к примеру: «мучение вечное» — *μαρτυριον αιωνιον* (с. 110), т.е. «вечное мученичество». Ср. еще невозможные в греческом выражения типа *αγορασον εαυτον σου* «купи то себе» (с. 57) и т.д. В каких-то случаях информантом мог выступать славянин, переводивший с письменного текста: иначе нельзя объяснить, каким образом он принял слово «просыпал» за слово «проспал» и передал его как

¹¹ Ср.: *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* М., 1989. Т. 2. С. 342.

¹² Сердечно благодарю А.А. Пичхадзе за консультацию.

¹³ *Фасмер М.Р.* Речь тонкословия греческого. С. 453–456.

¹⁴ Там же. С. 459.

εκοισει (с. 89). В том, что автор владел как разговорным, так и книжным греческим, убеждают такие его пояснения, как «*где живешь по уррвεσαι а по книжному поу котоικεις а ичче поу μενεις*» (с. 92) и т.д.

РТГ гетерогенна: в ней есть разделы, представляющие собой глоссарии, т.е. собрания отдельных слов из определенных областей жизни (домашние животные — 42 слова, кухня — 32, звери — 29, рыбы — 20 слов и т.д.) или пары слов по смежности: «*Высоко — низко — широко — узко — пространно — тесно*» (с. 30) и т.д.; есть оставленные вообще без русского перевода транскрипции греческих молитв («Свят, свят, свят», фраза из Молитвы верных и Псалом 21 стих 27); есть глагольные парадигмы; есть что-то вроде письмовника; есть собственно разговорник, т.е. типичные диалоги для часто возникающих ситуаций, например, «*Благослови, отче мои святой, — добре ты обретохом, да увемы како имат святыни ти, еси ли добре въ здравии твоём? — и ты какъ имаши? — живу телесне за молитвъ ти — мируеши ли добре? — когда так, когда инако — да брат мирует ли? — уведал еси о немъ, любо ти*» (с. 72–73). Или: «*Добро еси пришесть — како пребываеши? — добре, господине, за святых твоих молитвъ — моли бога, отче святыи, о мне грешном*» (с. 82). Иногда функции глоссария, парадигмы и разговорника сведены воедино: «*Где еси был? — где ходил еси? — не был есмь нигде — не бывал — не ходил — не ходих — правда — неправда — учился — чернильница — чернило — трость — перо — пиши — писал — пишет — писано — писало — не стало — кончалося — книга*» (с. 29–30). Как и в современных языковых пособиях, грамматический экзерсис в РТГ может драпироваться под псевдиалог: «*Много спишь — спалъ еси много — еще хочу спать — мало посплю — спи, брате*» (с. 15–16).

В свое время Эрика Гюнтер заметила, что РТГ отличается от разговорников Нового времени: «*Zeitlich, inhaltlich und sprachlich unterscheidet sich dieses Gesprächsbuch von denen des 16 und 17 Jh. in Westeuropa*»¹⁵. Однако никто никогда не взялся сформулировать, в чем же эти отличия состоят. Современный разговорник предназначен для человека, не только не знающего, но и не собирающегося учить иностранный язык. Обычно выражения в нем сконцентрированы по темам, чтобы сократить время на поиск нужной фразы, и все равно живая коммуникация невероятно замедляется. Поскольку читать и произносить длинные бессмысленные наборы звуков чужого языка очень непросто, составители разговорников обычно пытаются сделать фразы максимально короткими и емкими. Сама направленность коммуникации в разговорнике — в одну сторону: пользователь задает вопросы и высказывает пожелания, а гипотетический носитель языка

¹⁵ Günther E. Zwei Russische Gesprächsbücher aus dem 17 Jh. Berlin, 1965. S. 16–17. Anm. 1.

лишь реагирует. Всем этим критериям соответствуют средневековые разговорники, хорошо известные с самых ранних времен, чьими основными потребителями были купцы и паломники¹⁶. Однако РТГ, именно в своей «разговорной» части, сильно отличается от выше нарисованного стандарта. Иные разделы представляют собой разбитые на синтагмы и отдельные слова короткие рассказы: «*Тяжко бо ходити — а далече — не медли — умедлих — приходиль — тесто месят*» (с. 42). Или проповеди: «*Добро жити с старцем — полезно въ общем житии — посреде многия братья — младому — не полезно единому жить — впадет в уныние — в леность*» (с. 113). Или экфрасисы: «*Церковь велика — красна — много икон — златом окованы — книги — книг много — книга едина — игумень нашъ добръ человекъ, братия мнози, братия добры — попове добри — поют красно — пения много — красен монастырь наш — красны келии*» (с. 83). Или «репортажи»: «*Поп облачился — ризы — облекся — кланяется — принесли ему воду — възливают ему на руки — умывается — умылся — утерся — убрусом — ... — покрыл святой потир — святое блюдец — начали ли обедню? — пред евангелием — по евангелию — евангелие чет — кончал — перенос поют — пред изрядною — достойно поют — пели — отпели — кончали обедню*» (с. 32–33). В сочинении, которое принято считать «разговорником», большое место занимают сугубо монологические фрагменты. На 16 «диалогов» (или псевдиалогов) в РТГ приходится 27 чистых монологов. Мало того, значительный процент монологов — как раз от имени греков. Это касается как благожелательных [«*Побывай в нашем монастыре — видишь монастырь — познаешь нашу келью — вниди в нащу келью — благослови нас — посети нас*» (с. 84)], так и неласковых [(«*Что сидишь? — ленишься — встани, поиди на дело — приспе время — а дела много — вѣставаи рано — не спи много*» (с. 15))] реплик. Кстати, сама последовательность греческих и русских колонок эквивалентов постоянно меняется¹⁷.

Если искать какого-либо аналога нашему памятнику, то самым близким окажутся античные греко-латинские «Герменевмата» Псевдо-Досифея¹⁸. В этом сочинении так же, как в РТГ, есть учебно-грам-

¹⁶ Thomas F.W., Giles L. A Tibeto-Chinese Word-and-Phrase Book // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 12.2–3 (1948). P. 753–769; Haubrichs W., Pfister M. «In Francia fui». Studien zu den romanisch-germanischen Interferenzen und zur Grundsprache der althochdeutschen 'Pariser (Altdeutschen) Gespräche'. Stuttgart, 1989; Blusch M. (Hrsg.) Ein italienisch-deutsches Sprachlehrbuch des 15. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1992; Pausch O. (Hrsg.). Das älteste italienisch-deutsche Sprachbuch. Eine Überlieferung aus dem Jahre 1424. Nach Georg von Nürnberg. Wien, 1972; etc.

¹⁷ Ковтун Л.С. Русская лексикография. С. 333.

¹⁸ The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana: Colloquia Monacensia-Einsidlensia, Leidense-Stephani, and Stephani from the Hermeneumata Pseudodositheana /

матическая часть, а есть «разговорная», которая, однако, состоит из длинных, развернутых предложений, причем организованных в непредсказуемом порядке, так что быстро найти в них нужное место не представлялось бы возможным. В «Герменевмата», как и в РТГ, часто можно встретить недружественную коммуникацию. Как утверждает издатель этого сочинения Эленор Дики, невозможно себе представить такую ситуацию, в которой человек, желающий воспользоваться ругательством, полез бы в разговорник и долго искал нужное слово, прежде чем оскорбить собеседника. Двухязычные таблицы фраз, как считает Э. Дики¹⁹, использовались совершенно не в целях немедленной коммуникации, а для изучения иностранного языка. Такие же функции выполнял и раннеосманский турецко-греческо-сербский «разговорник», опубликованный В. Лефельдтом²⁰. Видимо, эту же цель преследовали и «разговорные» фрагменты РТГ. Кто, не владея языком и не имея намерения его выучить, стал бы обращаться к разговорнику, чтобы отыскать эквивалент для столь сложных высказываний: *«Еже глаголахом с тобою, ничтоже утаилося от него — мы тайнорекохом, а се явлено есть — како мощно такового утаитися? — аще въпрошает тя кто, не являи ему, тоя вещи никому не являи»* (с. 77)? Ясно, что перед нами учебные тексты, предназначенные не для заезжего «туриста», а для тех, кто хочет поселиться в Византии навсегда. О постоянном статусе русского переселенца свидетельствует такой диалог: *«Почто еси пришеель семо? — хочю жити zde — оставил еси свою землю и пришел еси въ чужу землю?»* (с. 22). «Псевдоразговорники» в действительности призваны были помочь в изучении иностранного языка, предлагая, наряду с лексикой, тематические «топики» для вызубривания.

Все ученые согласны в том, что наш памятник создан духовными лицами на Афоне, в ходе общения русских монахов и паломников в византийских монастырях. В самом деле многие темы соответствуют ситуациям, характерным для монастыря²¹. Очевидно, что жизнь

Ed. with introduction, translation, and commentary by Eleanor Dickey. Cambridge, 2012–2015. Vol. I–II.

¹⁹ Dickey E. *Stories of Daily Life from the Roman World: Extracts from the Ancient Colloquia*. Cambridge, 2017. P. 142–143.

²⁰ Lehfeldt W. (Hrsg.). *Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte: ein arabisch-per-sisch-griechisch-serbischer Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache*. Köln; Wien, 1989.

²¹ Например: *«Празден пребывает — печален — скорбен — что ему, о немже печален? — старец его не здравит — велми болен — при смерти уже»* (с. 17–18) или *«Аще имаши к нам любовь — веру — всегда приходи — келья наша — буди яко и твоя — а твоя келья, яко же и наша — а мы есмы братья тебе»* (с. 18–19).

русского монаха проходила не без катаклизмов: *«Ажь ми благословишь — прости мя отче мои, утаихся от тебя — пиян — слезы — плачет — без твоего благословения сътворих — повеление — ажь бых бога боялся, не бых тебе потаиль — но диаволь прелстиль мя — таити велить — еже не исповедати твоеи святыни — брате возлюбленнии, не боися мене, но бога боися, и заповеди его съблуди — аще мене утаишися, а бога како утаишися? — блюдися брате, не твори ничто ж без благословения, да не порадуется дияволь о падении твоём — отче святыи, моли бога о мне»* (с. 69–70).

Впрочем, даже в сугубо церковной части РТГ проявляется бытовой уклон: сцена, начинающаяся за литургией, кончается в трапезной: *«Пошли обедати — да ямы хлеб — звали их? — незваны пришли — позовите их — всех ли звати? — а много ли их — много — мало — позови всех — позови единого — не зови — пришли — пришел — велите гостем сести — ... — сели — возмите — ядите — принесите — взяли — не взяли — ставите — поставили — ядите — примете — полюбите — ядят — яли — сыти — пьют — голоден — въстаните, пойте стих — богородицин — въстали — пели — не въстали — налей то — подавайте пити — пейте, гости — не пили — не хотят — не могут — челом бьют — бьет — хотят прочь — хочет — ударили челом — пошли прочь — идут — идет»* (с. 32–35). Обратим, кстати, еще раз внимание на то, что вся сцена «увидена» глазами греков, а не русских.

В других ситуациях участниками могут быть как монахи, так и миряне: *«Пришел некто брат — предстоит — у двери — ударяет — иди отвори ему дверь — отопри — не затворена — о чем пришел — что просит? — что хочет? — что глаголет? — кого ищет? — кого зовет? — что ему дело? — иди сътвори ему ответ — отпусти его — дай ему что просит — говори с ним — что ми говорити — огня просит — свечи просит — есть ли огонь?»* (с. 19–20).

Если РТГ и была создана на Афоне, то языковой мир памятника — по преимуществу светский. Утверждение Фасмера, будто «большая часть греческого текста РТГ составлена из евангельских отрывков»²² — совершенно несправедливо. Лишь около 400 словарных статей посвящено церковно-монастырской и богословской тематике, мирской же — около 2000. Значительная часть текстов не имеет ни к монахам, ни к паломникам вообще никакого отношения:

Или еще: *«Послушници твои в кельи суть — днес не видех их — здрави суть — не бе их в кельи — послах их на работу монастырскую»* (с. 24–25). Или: *«Присла мя старецъ — моли о нас — к твоей святыни, да уведавъ како есть святыня ти — болен — ... како повелишь, господине — ... ты еси учитель — наставник — ужели хоцещи отити къ старцу? — еще не время — что ти старецъ велел — слушаи старца — что суть помышления твоя — наставник зовет»* (с. 86–87).

²² Фасмер М.Р. Рѣчь тонкословія греческаго. С. 449.

«Пришел один корабль — великъ... — тяшко им было на мори — много блудили по морю — хлеба не достало — земля далече — купить негде — пристанища несть — страх был велик — отчаялись и живота их — боялись и смерти — а попа не было — покаяться некому — причастится не у кого — но Бог не презре своего создания — не забы дела руку свою — печаль их на радость премени — и бысть им свои ветрь — и возрадовашася — и дошли пристанища — и товар свои испродали — а иные покупили — и пошли наки въ свою землю — радующеся — и благодаряще Бога» (с. 20–22). Этот рассказ очевидным образом рисует злоключения купцов, плывущих в торговый порт, и отсутствие на борту священника специально подчеркнуто.

Как уже было отмечено выше, РТГ рассчитана на людей, намеревающихся надолго остаться в Византии: *«Познайся с нами — а мы с тобою — добро есть друга имети на чюжей земли — емли с насъ что ти надобе — еще не познался еси — приходи к нам часто — не зазрися нас — у нас много — а у тебя несть ничтож»* (с. 23). В этой перспективе мне не кажется убедительным мнение Фасмера, что РТГ «заканчивается отделом: названия ветром, очевидно составленным автором уже на обратном путешествии из Византии в Россию, морским путем»²³. Названия ветров не имеют для автора никакого практического значения, поскольку в РТГ вопиющим образом отсутствует раздел корабельной лексики, обычно имеющийся в «торговых» словарях.

Положение русского среди греков рисуется в нашем памятнике весьма дискомфортным. *«Не тяжко ли им? — Языка не знают — не тяжко — научатся — познают — много время учитися — мудра речь греческая — не хотят научитися»* (с. 25). *«Не борзо навькнути — не у кого научитися нам — рады есмы учитися — тяжко ми: языка не знаю — кто мя о чем вопрошает, не умею, что ему отвецати, повелевает ми, а я не знаю, что ми сътворити — познавай, учися — надобе учитися»*. *«Земля чюжа — язык чюж — речь чюжа — человеци суть иным обычаем — греки тяжкы суть — не приветливы — не любовни — Рци ми господине Бога ради как зовешь то гречьски — не братолюбци — суть и добри человеци не вси един имут нрав — обретаются и добри человеци — а зли мнози — тако тии обретаются въ всяком языке»* (с. 26–27). *«Гневливи суть — скупи — не истинни — неправы — обидливы — разбойнищии — татие — пияници — грабители — лживи — добрых много, а злых такоже»* (с. 28–29). Аргументы в греческую пользу явно звучат здесь не вполне убедительно.

Даже когда русский человек не только выучивал греческий, но и вовлекался в постоянное деловое общение с византийцами, он, видимо, страдал от переживания своей чуждости: *«Бога ради, господине мои, не прогневайся на мя, что есмь не успель тебе много писати,*

²³ Там же. С. 461.

... — *Се же писах ти, сколько знаю, а где будет ложно и ты въспраши-
ваи от того, кто гораздее мене умеет, а на мене о том не диви понеже
несъмь гречин, но русин есмь»* (с. 58–59). Каким-то весьма неприятным
опытом веет от такой последовательности вокабул: «Целование — це-
лует — любовь — люблю — имя — како ти имя? — космат — мжит
(т.е. «моргает») — иже въ главе плоть (т.е. «перхоть») — задремах —
распотихся — смердит» (с. 97–98). Ясно, что мы опять-таки видим
эту явно неудачную интимную коммуникацию глазами грека (гре-
чанки?), поскольку изначальным здесь было, конечно, византийское
разговорное слово *liturgia*, а слова *иже въ главе плоть* лишь объясня-
няют его.

В первую очередь РТГ предназначена не столько для монахов,
сколько для купцов: «Начни — поиди на торг — былъ есми на тор-
гу — купих си да ям — хошу купити — продати — да не купишь —
купих — не купих — купите — купи ми — купим — не купим — купил
ли еси? — продал ли еси? — продай — продалъ есмь — поидем въ
торгъ — ходил есмь в торгъ — продаи ми, куплю у тебе — продам
ти — не продам, надобе себе — не требую его — купи ти собе — тре-
буеши его — годно — подобает — се продаси ли — аще бы кто ку-
пиль — продам то — многа естъ цена тому — чего достоин? — доро-
го — дешево — даром — дешевле ныне — сегодня дороже дорожня —
глад — что принял еси? — наложил есмь и своим — много молвишь —
к такому торгу таковая и надобе — даи ми без денег — не смею ти
дати ... не дам — проси — не проси — не взяти — не дастъ — хочет
ли — не хочет» (с. 56–59). И еще: «Продаи — не продам — продал —
хочю — продаешь ли — продал бых — аже бы кто — колико хочешь —
что цена ему? — много цена ему» (с. 82–83).

Среди групп названий товаров самое значительное место зани-
мают статьи русского «люксового» экспорта. Во-первых, это прес-
новодная рыба, притом что ни одного термина для морской рыбы,
водящейся в Эгейском море (вроде тунца, макрели или рыбы-меч) в
списке нет: «рыба — свежая рыба — просолная рыба — сухая рыба —
белуга — осетръ — хребтина — стерляга — сом — щука — крапъ —
головль — язи — угорич — окуни — плотици — уклеи — моль — икра»
(с. 47–48). Во-вторых, пушной зверь: «звери — ... — лисица — рыс —
заец — соболь — куница — белка — горностаи и ласица» (с. 50). Ясно,
что все эти дорогие товары не предназначались монахам, да и вообще
тот факт, что они находили спрос в обнищавшей, терзаемой войнами
Импери, не может не вызвать изумления.

Что же русские купцы вывозили из Византии? Этот перечень бо-
лее скромнен: тут немного пряностей («перецъ — шафран — спець»,
с. 40), немного драгоценностей («золото — серебро ... драгьи камыкы —
жемчюгъ», с. 40–41). Раздел об одежде мог бы считаться частью «раз-
говорника», но тот факт, что в нем фигурирует сукно, шелк и дорогие

яловые сапоги, названные их международным именем «кордованцы», свидетельствует, что мы и здесь имеем дело скорее с торговым каталогом: «шолк — багряно — круто — с(т)кано — отлас, рекше шестолочно — червено — сине — нестро — желто — зелено» (с. 93); «гачник — пояс — терликъ — бугай — опашен — кожух, шуба — сукна дорогая — и порты от дорогых сукон — киверь, шапка — черкасин — сапогы — кордованци — въступни — ногавици — рукавици» (с. 55–56). Почти все русские слова второй из перечисленных серий — очень поздние, их греческие соответствия вызывают вопросы: скажем, *φουστάνι* — женская одежда, тогда как приравненный к нему *терликъ* — мужская. Но главное — многие предметы одежды носили только представители высших классов Московии; значит ли их появление в РТГ, что шили эти вещи в Византии? Или через русские соответствия составители РТГ помогали пользователю представить себе одежду высших классов Империи? Кстати, о самом существовании какого бы то ни было социального неравенства мы можем догадаться лишь из одного краткого обмена репликами: «Истина ли будет тако глаголют о нем, яко скуп есть? — мало кормит челядь — за се бегают от него — отпроводи его — жаль ми на него — тошно ми на него» (с. 77).

Итак, обширная торговля вроде бы предполагает, что пользователи РТГ жили в крупных городах Империи. И вот здесь начинаются загадки нашего памятника: дело в том, что город как феномен, с его улицами, архитектурой, инфраструктурой, наймом жилья, бытовыми удобствами, развлечениями и опасностями — в РТГ напрочь отсутствует²⁴. Совершенно непонятно, откуда Фасмер почерпнул убеждение, что «судя по содержанию РТГр., автор ее — ...лицо духовного звания... на пути остановившееся в Константинополе»²⁵. Вот уж столица Империи в нашем памятнике не угадывается ни в единой статье! Словосочетание «Град мал (πολις, κάστρον)» (35) встречается дважды, но нигде город не составляет отдельного раздела — в первом случае сразу после него следует лишь «стена», а потом идет длинейший перечень природных объектов, никак не относящихся к городской жизни. Из этого списка постепенно выдвигается на первый план гнездо слов вокруг «болота»: «искалялся — исчернился — изрудился — рудно — кално — черно — мутно — гнушается мя — гнусно» (с. 36). То есть

²⁴ Единственный имеющийся атрибут города — это медицинская помощь: к примеру, на него намекает тема медицины: «зубныя клещици» (с. 52); «Неможет ми — не здравь есмь — чимь не здоровиши? — что тя болит? — глава ми болит — все ми тело не здраво — душею не здравею» (с. 100), «Болит — не болит — здравь — не может — может» (с. 63) и даже более специализированно: «Неможется — хочу себе кровь пустити — кровь — добро ли ныне? — пусти ми кровь сегодня — пусках — пуцу — а ты хочешь ли? — ажь велишь» (с. 68).

²⁵ Фасмер М.Р. Рѣчь тонкословія греческаго. С. 459.

воображаемый пользователь разговорника путешествует где-то по дикой природе, приходит к людям в непотребном виде, а город, если ему и виден, то где-то издалека, с внешней стороны. Еще один раз слово «град кастро» опять встречается в странном контексте: он соседствует со словами «поле, гумно, град, хоромы, окно, тынь» (с. 49). Ясно, что речь здесь может идти лишь о чем-то совершенно незначительном. И это при том, что подавляющее большинство русских известий о Византии XIV–XV вв. касается именно Константинополя, а все паломники считали нужным посетить Царьград и полюбоваться не только его святынями, но и его урбанистическим великолепием.

В ту эпоху, когда, предположительно, создавался наш памятник, территория Византии была столь ничтожна, что трудно понять, где, если не в городе, мог жить составитель РТГ. В тексте широко представлена дикая природа²⁶. Но ведь не в лесу и не в горах обитали пользователи РТГ. Может быть, в деревне?

Деревня в РТГ присутствует главным образом в виде животноводства («стадо — конь — коневое стадо — вол — крава — кравь — овцы — овечье — свиньи — свиное — виволь — вепрь — баран — коза — бравь — свинья — овца — скотина — поросята — курята — кура — курь — кокош — голуби — голубь — гус — гусыни — сука — пастухи — птица — утка», с. 36–38) и его продуктов («млеко — сыр — яйце — масло — сало», с. 41–42), но также огородничества («огород — огородник — капуста — свекла — ретка — репа — лук — чеснок — копрь [укроп] — огурцы — дыни — арбузы — тыквы», с. 49), садоводства («сад — ... цвет — виноград — орехи — яблоко», с. 39); «лезговые орехи — груши — сливы — чершни — праскви — кидониш», с. 51–52) и бортничества («пчелы — мед, воск — свеча малая — свеча великая», с. 51), но не виноделия²⁷ и не земледелия, которое не упомянуто ни единым словом. Между тем во Фракии и Македонии в поздневизантийское время активно сеяли именно злаки²⁸. Быть может, земледельческий оборот был длительным циклом, и в условиях политической нестабильности заниматься им было рискованно?

²⁶ «На мори — при мори — поле — поля — равнина — гора — горы высоки — на горе — под горою — в горах — в долинах — в удоли — врагы, дебри — пропасти — песок — тростие — блато — мокро — тина — грязь — кал» (с. 35–36); «глубина — валы — река — кладези, родники — езеро» (с. 47); «земля — персть — назем и гной — лес» (с. 48); «сосна — ель — липа — ольха — лыка — ясень» (с. 48–49); «щеня — выжля — пес взенечный — змеи — ужь — скорпия — ящерица — жаба — желва — клещь — чрьви — смолже» (с. 50–51); «дрозды черныя — соловеи — синица — горлица — соя — иволга — ластовица — дятель — нетопыр» (с. 54–55).

²⁷ Встречается лишь «кислый мед» — возможно, русские предпочитали его вину.

²⁸ Laiou A. The Agrarian Economy. Thirteenth–Fifteenth Centuries // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 326–328.

Деревенские ремесла включают кузнечное дело: «ковач — ковальна — куи — мехи ковачевы — наковална — млат — малый млат — а добр малый млат — клещи — пила, что трут железо — терпуз» (с. 52); плотницкое и столярное дело: «пила великая, что трут древо — пила ручная — топор — плотный топор — плотник — кирка — тесла... токарь — токарня — трезуб — резци» (с. 53–54); мельницу: «мельница — мелник — жерновы — колесо, коло» (с. 64); швейное дело: «швецъ портной — игла — наперсток — нити — сапожный швец — древо сапожное — шило — верви — щетины — крояльник — ножици» (с. 54). У нас есть и независимые свидетельства источников о расцвете деревенских ремесел в данном регионе²⁹, но мельчайшие детали, например, сапожного дела, включая свиную щетину для пришивания подошв, свидетельствуют, что русских, возможно нанимали в подмастерья. В целом византийская деревня предстает в РТГ как вполне процветающая, хоть и не зернопроизводящая.

Но тем большим парадоксом выглядит отсутствие города — ведь не крестьяне же покупали у русских купцов их сверхдорогие товары. Как объяснить этот парадокс? Возможно, РТГ создавалась для торговых представителей, ориентированных не на городские рынки, а на загородные ярмарки. Трудно сказать, сохранились ли в рассматриваемый период те ярмарки при монастырях Афона, например в Стеллярии на полуострове Халкидики, которые существовали там раньше³⁰. Однако точно известно, что ярмарка в этом ареале, имевшая международный статус и проходившая перед городскими стенами, продолжала существовать в Фессалонике³¹. Этот город имел давние торговые связи с Русью³². Он к тому же располагался недалеко от Афона.

Впрочем, главный сюрприз, который преподносит исследователю РТГ, — это полное отсутствие в ней каких бы то ни было следов государства. Мы не узнаем ни единой лексемы, связанной с названиями титулов, должностей, с чиновниками, с судом, с армией или ее снабжением, с налогами, или с идеологией. Даже тот диалог, который можно было бы счесть за допрос иностранца пограничным чиновником³³, —

²⁹ Lefort J. The Rural Economy. Seventh–Twelfth Centuries // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 309.

³⁰ Поляковская М.А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 208.

³¹ Matschke K.-P. Commerce, Trade, Markets, and Money // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 781.

³² Кауштанов Д.В. Русь и Фессалоника в XII–XIII веках: люди, идеи, пути // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 94–106.

³³ «Когда пришел еси? — в который день? — в кое время? — в кои час? — где еси был? В коей стране? В коем граде? — В коем дому? — в коем месте? — что ради

оказывается в действительности, если читать дальше, расспросами, обращенными игуменом к подозрительному странствующему монаху³⁴. В другом диалоге начальник, заканчивающий разговор скандалом, опять оказывается не чиновником, а (скорее всего) игуменом³⁵.

Столь красноречивое отсутствие государства представляется особенно кричащим на фоне всех остальных русско-иностранных разговорников³⁶, в которых присутствует и русская высшая власть, и полиция, и таможня, но главным образом, судейские, с которыми иностранцу, особенно купцу, постоянно приходилось иметь дело. РТГ потому-то так и трудно датировать, что этот памятник будто нарочно лишен всего сиюминутного, исторически-конкретного, он не дает нам ни одного хронологического репера. К примеру, правоприменительная система мелькает лишь однажды, и в совершенно абстрактном контексте: «*Бех... в темнице — приидосте*» (с. 45).

Единственное государство, с некоторыми его социально-политическим атрибутами, которое встречается на страницах РТГ, это отнюдь не Византия и не Османский султанат, а далекая Русь. В разговорнике есть один диалог о возможности вернуться на родину. На пространстве небольшого «эссе» точка зрения несколько раз меняется, на первый план выходит то притягательность родины, то отвлечение к ней. Текст местами звучит как стихи — а конечный

пришель еси? — своим ли делом или посланъ еси? — кто послалъ? Ким послан еси? — много ли имашаи пребыти зде? — что ти есть дело? — каково орудие? — тайно ли? — явно ли? — яви мни — не утай от мене — слышати хошу — видети хошу» (с. 84–85).

³⁴ «*Друг ми еси — брат ми еси — отец мои еси — не стерезися мене — не срамляися — без числа согреших — испием вина — не зазрися — не блюдися — не явлю ти — не явлено — обезстрашилися — обеспечалили ся — въпрошаю тя... — не скажеть — таить — не явитъ — не хочет явити»* (с. 85).

³⁵ «*Поуди брате — не ходи брате — не время — время ли есть? — когда будет время? — скажи ми — сам поиду — поуди со мною — побываем у него — видимся с ним — въпрошаем его — добре ли есть въ здравии своем? — здрав ли пришел? — каковъ есть? — како пребывает? — стар ли? — млад ли? — хочет ли ся видети с нами? — с тобою — с ним — сам не иду — и ты не ходи — и азъ не иду — далеко есть — не бываем у него — не видаемся с ним — не хочет нас видети — виделся есмь с ним? — гневается — ... — грех есть — еже гневатися — незаконное дело — безумие великое — безумен человекъ — не смирен»* (с. 65–66).

³⁶ *Gernentz H.J.* (Hrsg.). Untersuchungen zum Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tönnies Fenne. Pskov 1607 // Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte. Berlin 1988; *Günther E.* (Hrsg.). Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburgk von 1629. Frankfurt am Main, 1999; *Ларин Б.А.* Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948; *Он же.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959 и т.д.

вывод делается не в пользу возвращения: «*Да поидем на Русь — аще поиду, что хошу приобрести? — не или все суета? — язык отверзается — умиление отбегае — дерзновение приходит — собраная расточаются — обычная пременяются — и что реку? — что благо да вижу тамо? — Точию скорбь — к своим любовь — родителей воспоминание — о православии попечение — о митрополии — о устроении христианства — о монастыри — печаль — в селех притяжания — къ князю хождение — с боляры знатие — с людьми смешение — с миряны съединение — с лукавыми съплетение — среди сих не иссякнет ли любви божия? — Но отселе седаи — да усмотрю тамо что деется — от великих неправда — убиение — татба — лжа — клевета — лихоимание — и прочая» (с. 116–118). Возможно, этот «плач» имел то практическое значение, что призван был разжалобить греческих гостеприимцев. Но как бы то ни было, именно русским князьям и боярам находится место в разговорнике, тогда как политическая реальность Византии не оставила в РТГ никаких следов. А ведь, к примеру, гражданский беспорядки в Константинополе во время переворота 1390 г. русский паломник Игнатий Смолятич описал весьма подробно и толково³⁷.*

Может быть, из отсутствия в РТГ любых следов византийского государства нужно сделать простой вывод, что к моменту создания памятника Империя уже погибла? Но тогда в нем должны были бы отразиться хоть какие-нибудь признаки либо османского владычества, либо господства «латинян». Не нужно было дожидаться падения Константинополя, чтобы ощутить турецкое влияние: в конце XIV — первой половине XV в. почти вся Фракия и Македония уже были подвластны османам. В 1369 г. те перенесли свою столицу в Андрианополь. Уже в 1387 г. в турецкий плен угодил один из афонских игуменов. Еще задолго до 1453 г. Святая Гора поднесла султану 1400 золотых и изъявление полной покорности³⁸. И тем не менее, не только турецкой или итальянской лексики в сколько-нибудь значительном количестве, но и малейшего намека на османскую угрозу мы не найдем в РТГ. Невозможно себе представить, чтобы составители, да и любые русские путешественники в Византию, будь то в Константинополь или на Афон, — никогда не сталкивались с судьями, военными или таможенниками, будь то византийскими, венецианскими или османскими. Можно разве что предположить, что оригинал нашего сочинения подвергся цензуре и из него намеренно были вычищены все упоминания о политике.

³⁷ *Majeska G.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington DC, 1984. P. 101–105.

³⁸ *Успенский П.* История Афона. М., 2007. Т. 1. С. 764–767.

Однако только лишь изъятием политической информации невозможно объяснить то умиротворение, которым веет от РТГ. Там нет упоминаний ни о резне, набегах, ни о выкупе пленных. Допустим, торговля шла и в самые неблагоприятные времена — Зосима рассказывает, что в 1420 г. в Скутари «на оной стране моря търговище: съезжаются турчяне, а сея страны греки и фрязове и торгуют меж собою»³⁹. И все же вселенная РТГ кажется слишком «приторной»: вот предлагаемый там образец светской беседы: «*Что слышал еси? — не слышах ничтож — видех? — не видел есмь ничего — что за вести слышал еси? — слышах добру весть — дал бог повсюду мир, по земли и по морю — земля мирна, море тихо — кораблей пришло много и все-го принесли много*» (с. 28). Как такой диалог совместим с тем, что мы знаем о жизни на Балканах в эту эпоху? Это тот вопрос, на который лишь предстоит найти ответ.

³⁹ *Majeska G. Russian Travellers to Constantinople. P. 191.*